

Призраки Вудхаус- Троув

КАТЯ ДОУ

Катя Д.
Тайна девочки из Вудхаус-Гроув
Серия «Мрачные тайны
английской глубинки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74610601
Катя Доу. Призраки Вудхаус-Гроув: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-255653-1

Аннотация

Из-за бунтарского духа и проблем в семье Фрэнсис Гейт отправляют в Вудхаус-Гроув: школу для девочек, которая некогда считалась одной из лучших в Англии. Сейчас же пансион выглядит запущенным, а среди учениц ходят слухи про призрак, что иногда видят в коридорах.

С ним неожиданно сталкивается и Фрэнсис. Прошрое не всегда остается там, где ему место, но вдруг именно она сможет найти ключ к разгадке?

Атмосфера английской осени: затерявшаяся в туманах старая школа для девочек, деревушка с книжной лавкой и кафе, побережье Норфолка и старые тайны...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Катя Доу

Призраки Вудхаус-Гроув

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Пролог

Июнь 1992 года

Никто не знает, когда именно над ним нависнет смерть, будет дышать в затылок, а до конца останутся считанные часы. Эмили тоже не знала грядущего, захлопнув за собой дверь тем летним вечером. Она ступила под теплые лучи солнца; те плавись в витринах магазинов, стекали с крыш, отражались от булыжника на площади, сверкали в струях фонтана. В преддверии сумерек нагретый за день воздух дрожал, переплетался с прохладой, змеившейся по земле. В рассеянном свете все казалось эфемерным и несущественным, как сон.

Эмили на миг закрыла глаза. Лето только начиналось. Впору было радоваться, ведь когда в Байбери зацветали пионы и маки, придававшие деревне красок, заводили трели дрозды, – наступало время каникул. Уже через неделю девочки соберут чемоданы и без лишних сожалений покинут Вудхаус-Гроув. Для Эмили же все оказалось не так просто.

Она посмотрела на часы, хотя знала, что сейчас около семи, и вздохнула. Вернуться в школу нужно до восьми, а у нее еще оставались дела. Так что, закинув на плечо рюкзак, она быстрым шагом направилась в сторону дубовой рощи. Ла-

дони в карманах джинсов вспотели, а по спине, наоборот, скользнул холодок. Вернулись мысли о вчерашнем разговоре с мамой. Обо всех разговорах, что случились за выходные. От некоторых у нее до сих пор внутри все леденело.

«Все хорошо. Давай не будем переживать раньше времени» – так Эмили сказала маме перед тем, как посадить ее в автобус. Сейчас дело оставалось за малым – самой последовать этому совету.

Обычно при встрече они не могли наговориться, но в этот раз много молчали. Отчасти потому, что, всматриваясь в изможденные глаза матери, Эмили чувствовала если не стыд, то вину точно. Самое отвратительное, что та, казалось, испытывала схожие эмоции.

«Прекрати! Проблема вот-вот разрешится».

Если бы она только верила в это.

Но даже солнце, что клонилось к горизонту, окрашивая все золотом, не успокаивало. Наоборот, свет был густым и застывшим, напоминал старые снимки выпускников цвета сепии в Красной гостинной школы. Они никому не нравились, потому что пугали. Лица учениц казались блеклыми, восковыми, а глаза – настолько высветленными, что их можно было принять за посмертные фотографии. Откуда взялась эта мысль, Эмили не знала, но она ей не понравилась, как и неподвижный воздух вокруг.

Улицы пустовали. Слышались только шум камешков из-под кроссовок да эхо шагов в узком проулке. По воскресе-

ням ученики возвращались в школы до ужина, а местные жители проводили время у телевизоров или в церкви. Так что никто ее не видел. Волноваться не стоило, правда. Может быть, все складывалось несколько иначе, но это пустяки.

И все равно Эмили поежилась, когда солнце скрылось за соломенными крышами домов и вместо него по земле поползли тени.

«Возможно, стоило рассказать обо всем кому-то?»

Ближе к роще позади остались скрипы калиток, лай собак и редкое блеяние овец. В нос проник запах прелой травы; тень Эмили скользнула вперед, вытянулась тонкой ниточкой, грозившей вот-вот оборваться. Она ускорила. Возникло странное чувство, будто она не успевает сама за собой.

Эмили осмотрелась.

«Не выдумывай, просто вечер».

Но внутренний голос будто издалека ответил: *«Нет, это не просто вечер».*

И в этот момент над Байбери разнесся колокольный звон. Закончилась вечерняя служба в церкви. Звук не спешил растворяться в воздухе. Он тянулся дольше обычного, задерживался в пустых переулках, отзываясь в них слабым эхом.

Эмили замедлила шаг.

Ей вдруг показалось, что каждый удар становится глуше, будто туман в роще, к которой она приближалась, забирает у колокола часть силы. Всего лишь ощущение, но от него по телу прокатилась дрожь.

«Будто кто-то прошел по моей могиле».

Последний удар резко оборвался, и на мгновение над древней повисла странная тишина — слишком плотная для летнего вечера.

В этой тишине Эмили услышала позади себя шаги. Очень легкие, едва различимые — такие, что их легко принять за разыгравшееся воображение. Кто-то осторожно наступал на траву, выбирая места, где она мягче. Один, второй... А потом тишина сомкнулась снова.

Эмили резко оглянулась. Тропа пустовала. Листья едва шептались. Ничего вокруг не намекало на присутствие другого человека. Именно это и настораживало сильнее, чем если бы она услышала еще один шаг.

Эмили сглотнула и продолжила путь.

С неожиданной ясностью она поняла: страх пришел не извне. Он крылся внутри, все это время ждал момента, чтобы проснуться и поднять голову.

Но когда Эмили ступила в сумрак рощи, запетляла среди вековых дубов, предчувствие беды лишь слабо отозвалось в сознании, не мешая двигаться навстречу мечте. Она собиралась решить вопрос быстро, чтобы в восемь быть в Вудхаусе. Однако ни в восемь, ни в девять вечера, ни на следующий день Эмили Уоллис не вернулась в школу.

Глава 1

Сентябрь 2017 года

Дорога брала подъем, и мотор машины – новый «Мерседес» отчима – работал тихо, без рывков и лишнего шума. Фрэнки смотрела в окно и думала, что если бы мир был честным местом, то давно бы подбросил матери какой-нибудь знак: упавшую ветку, перекрытую дорогу, плохую погоду – что угодно, лишь бы повернуть обратно. Но этого не случилось. Они пересекли границу Ланкашира час назад и, похоже, возвращаться не собирались. По крайней мере, не с ней.

Фрэнки оставалось только наблюдать, как пейзаж дробится на быстрые вертикали деревьев и каменные столбы пастбищ, где паслись овцы.

«Я ушла бы, если бы могла. Жила бы одна, чтобы больше не видеть тебя!» – эти слова, брошенные по неосторожности, и стали тем знаком, которого мать, вероятно, ждала. Последней каплей.

В салоне стояла тишина. Краем глаза Фрэнки замечала, как мама переглядывается с Мартином в поисках поддержки, одобрения своего решения. Иногда она косилась и на нее, но Фрэнки демонстративно отворачивалась. Четыре часа пу-

ти из Лондона прошли в молчании, и напряжение стало густым и едким, как сжатый газ, готовый взорваться от любого неверного слова. Это не считая незримого – четвертого – пассажира, что всегда будет стоять между ними.

«Быстро же ты забыла о нем. Будто его никогда и не существовало».

Небо за окном затянуло тучами. Темные и тяжелые, их рваные края тащило ветром, они наползали друг на друга, закрывая последние просветы. Казалось, день застыл где-то на полпути к вечеру. Фрэнки всматривалась в этот мрак так долго, что в стекле остались только ее глаза, плотно сжатые губы и рыжие волосы. А потом машина взобралась на холм. Замедлилась.

Дубы возникли внезапно. Сначала один – уродливый, коренастый, с ветвями, похожими на руки старика со скрюченными от артрита пальцами. Потом второй. Затем целая аллея переплелась кронами над ними. Когда дорога пошла на спад, среди стволов показался туман. Чем ниже они съезжали, тем плотнее он сбивался у стволов.

Она не хотела туда.

Она не об этом просила.

Фрэнки уперла пятки в коврик. Но ожидаемо машина не остановилась.

– Осталось немного, – сказала мама, голос у нее едва заметно дрогнул. Фрэнки невольно представила, как та заранее тренирует эту реплику, пока ставит кофе утром: *«Осталось*

немного, осталось немного... Потерпи».

Внезапно ветви отступили. Выровнялась дорога, и Фрэнки увидела его.

Вудхаус-Гроув лежал в низине, в окружении дубов. Про странство вокруг тонуло в тумане – плотном, застоявшемся, какой бывает на болотах. Он обхватывал здание по краям, отчего силуэт, подобно миражу, казался размытым.

Увитые плющом ворота были распахнуты, и машина Мартина въехала на территорию школы. Вместо темного прямоугольника перед ними раскинулось двухэтажное каменное здание. За годы оно успело потерять цвет краски, издалека виднелись потеки от дождей, разохшиеся ставни приобрели сероватый оттенок. На двухсторонней лестнице, ведущей на террасу перед главным входом, разрослось пятно лишайника. Если Вудхаус-Гроув и знал лучшие времена, то давно оставил их позади.

– Вот мы и на месте, – сказал Мартин. – Мисс Келлехер обещала нас встретить.

– Ну, Фрэнни, жизнь вдали от нас, – сдавленно произнесла мама, оборачиваясь к ней. – Ведь этого ты хотела?

Мартин накрыл ее руку ладонью.

– Не надо, Стейси. Сейчас это уже лишнее.

Фрэнки всмотрелась в лицо матери. Она видела, как та старалась придать себе отстраненный вид, но это было не в ее природе. В тот миг хотелось унижить ее гордость, обидеть, как обидела ее она, когда привела Мартина в их дом.

– Лучше так, чем рядом с тобой.

С этими словами она схватила рюкзак и выскочила из машины. Воздух был влажным и прохладным; туман цеплялся за живую изгородь и стекал вниз. Она заставила себя не трястись, хотя тело чуть ли не колотилось от частых ударов сердца. Спрятала руки в карманы бомбера.

«Хочешь жить одна, так? Я исполню твою мечту, даю слово, Фрэнсис».

Хлопнули дверцы машины. Фрэнки спешно отошла и, обратив внимание на вход в школу, обнаружила у подножия лестницы женщину в брючном костюме. Высокая, худощавая, волосы собраны в аккуратный узел. Она не шевелилась, но пристально наблюдала за ними. Взгляд вскользь прошелся по матери и отчиму, а затем остановился на Фрэнки. При виде высоких ботинок, коротких джинсов и подтяжек поверх поло ее губы поджались. Фрэнки позаимствовала образ из семейного альбома своей лучшей подруги Оливии; увидела юношеские фотографии ее дяди, когда тот с остальными бритоголовыми нагонял страха в Хакни на востоке Лондона. Маму это страшно раздражало.

– Мисс Келлехер. – Мартин протянул женщине руку. – Рад встрече. Мою супругу вы уже знаете. Позвольте представить Фрэнсис.

Женщина кивнула и слегка склонилась к Фрэнки.

– Рада знакомству, мисс Гейт. Меня зовут Лидия Келлехер, я возглавляю этот пансион для девочек. Добро пожа-

ловать в Вудхаус-Гроув. – Она повернулась к отчиму. – По правде говоря, я ожидала вашего прибытия еще вчера.

– Вчера меня срочно вызвали в клинику. Внеплановая операция. Мы пропустили что-то важное?

– Девочки приехали накануне, чтобы у них оставался день для подготовки к занятиям. В целом мисс Гейт пропустила только приветственный обед.

Мама с шумом выдохнула.

– Мы можем... Мы же можем зайти? – спросила она, делая к Фрэнки шаг. – Посмотреть ее комнату и познакомиться с девочками?

– Боюсь, что нет, миссис Робинсон, – ответила директриса. – Я проводила для вас экскурсию летом, а теперь в школу вернулись воспитанницы, так что более это невозможно.

– Все так, но...

Мисс Келлехер едва заметно поморщилась, но на ее лицо тут же вернулось прежнее непроницаемое выражение.

– Воспитатели и я лично находимся в постоянном контакте с родителями. Вам не о чем беспокоиться. – И она обратилась к Фрэнки: – Прежде чем мы войдем, мисс Гейт, я должна попросить ваш телефон.

Взгляд сам собой метнулся к маме – та с недоумением нахмурилась.

– В каком смысле мой телефон?

– По правилам школы новым воспитанницам необходимо сдать мобильный телефон. Мы вернем его через три недели.

Обычно адаптационный период не занимает больше времени. Новые знакомства помогут вам отвлечься от мыслей о доме. Простите, данная политика не личная прихоть – такая рекомендация правительства.

Со стороны мамы раздался возмущенный возглас:

– Позвольте, как же я буду связываться с дочерью?

– Как я уже сказала...

Объяснять мисс Келлехер не пришлось, потому что Фрэнки с усмешкой посмотрела на мать и протянула телефон.

– Забирайте.

Никаких звонков. Слишком поздно беседовать, точно подруги. К тому же подруга у нее есть. А у мамы теперь был Мартин.

Отчим кашлянул.

– В таком случае можем ли мы рассчитывать, что остальные договоренности в силе?

– Разумеется, мистер Робинсон. Ну, если мы уладили все вопросы, думаю, что мисс Гейт пора познакомиться с пансионом.

– Я хотела бы попрощаться с дочерью, – сказала мама, в упор глядя на директрису.

– Конечно.

Мисс Келлехер деликатно отвернулась. В чертах матери читались сожаление и грусть, будто это не она, а кто-то другой привез сюда дочь. Фрэнки не могла позволить даже секунду близости или прикосновения – слишком хорошо знала

себя. Поэтому, когда мама протянула руку, она отшатнулась.
– Это лишнее, – пробормотала она. – Удачно добраться до дома.

Мартин поставил чемодан у ног Фрэнки. Хотя блики на очках скрыли его взгляд, она знала: для отчима это не просто багаж, а последнее препятствие, от которого он только что благополучно избавился.

После короткого выдоха Фрэнки подхватила чемодан и, пока мисс Келлехер прощалась, поднялась на террасу. Повернув голову, она посмотрела на маму. Туман уже размыл ее очертания, с каждым шагом прочь поглощал все больше, а затем окончательно сомкнулся.

* * *

Вестибюль школы оказался таким же просторным, как холл в городском доме Мартина в Хайгейте. Высокие потолки с балками, картины поверх деревянных панелей, напольные резные часы в алькове между лестницами. Первое, что заметила Фрэнки, – портрет женщины в викторианском платье. В тусклом свете ламп взгляд сверху казался тяжелым и холодным, как мокрое одеяло. Судя по тому, что портрет висел в центре лестничной площадки, перед ней была основательница пансионата. По одну сторону – девочки в белых платьях, которые склонились над учебниками, напротив же темнели пасторали пасущихся овец и холмов, таких мрач-

ных, точно написанных углем.

С потолка свисали две бронзовые люстры, пол устилал потертый ковер. Сам паркет выцвел и казался пыльным, как и вся деревянная отделка.

Однако больше всего Фрэнки поразила стылость места. Разве могло на улице быть теплее, чем в здании? Тем не менее это казалось именно так: густой холодный воздух проник сквозь одежду, отчего по спине пробежала дрожь. Свет на подвесках люстр дрожал, как на ветру.

Обычно такое происходило с домами, откуда давным-давно ушли люди.

– Библиотека, учебные кабинеты и администрация находятся в западном крыле, – сказала мисс Келлехер, вставая рядом. – Восточное крыло на втором этаже занимают комнаты девочек, на первом – кухня и хозяйственные помещения.

– Сколько человек будет в комнате, помимо меня?

– Еще две девочки. С одной вы будете вместе посещать занятия, другая учится последний год. Мне кажется, вы легко найдете общий язык.

– Меня это не волнует.

Мисс Келлехер прочистила горло.

– Мисс Гейт, жизнь в пансионе покажется проще, если у вас появятся подруги.

Фрэнки собралась огрызнуться, когда из полумрака коридора показалась еще одна сотрудница. Однозначно старше директрисы, она двигалась к ним уверенной походкой. Ко-

ротко стриженные волосы с проседью, брюки и джемпер, из ворота которого выглядывал пестрый шейный платок.

– Услышала голоса, – на ходу бросила она. – Надо полагать, это мисс Гейт?

– Верно. Фрэнсис, познакомьтесь с мисс Торнтон. Она воспитатель у старших девочек. Если у вас возникнут вопросы, касающиеся непосредственно проживания, вы можете обратиться к ней.

Мисс Келлехер перебросилась парой слов с мисс Торнтон и скрылась в одном из коридоров. Последняя, не скрывая иронии, осмотрела Фрэнки с ног до головы.

– Бери чемодан, – скомандовала она. – Пойдем.

Лестница под ними застонала. Она была на несколько тонов темнее остального дерева, с массивными балясинами, которые переплетались друг с другом причудливым узором. Фрэнки пробежалась кончиками пальцев по полированным перилам, а потом покосилась на портрет основательницы. Женщина с недобрым прищуром тоже наблюдала за ней.

– Надеюсь, за тобой не водится вредных привычек, милочка? Поймаю за курением – сразу же отправишься к директорисе. Расписание уроков найдешь на тумбочке, как и распорядок дня. Где твой телефон?

– Его забрали.

– Эта драма на лицах новых учениц, стоит разлучить их с мобильным, бесценна, – с усмешкой сказала она.

Фрэнки исподлобья посмотрела в спину воспитателя.

Мисс Торнтон шла впереди, ее размашистые шаги заглушали ковры. От ворса исходил слабый запах сырости и моющих средств.

– Будешь жить с Камиллой Томлин и Рут Сибли. Девочки здесь давно, помогут освоиться.

Они поднялись на второй этаж. Колесики чемодана с гулом покатались по паркету. Приоткрылись несколько дверей, откуда показались девичьи головы, наблюдавшие за процессией. В конце коридора мисс Торнтон остановилась.

– У тебя есть время устроиться. Ужин в семь.

После короткого стука она распахнула перед Фрэнки дверь.

Комната встретила теплым светом настольной лампы. За письменным столом сидела светловолосая девочка в черно-красном полосатом свитере. Она оторвала глаза от книги; на ее лице появилась мягкая, чуть смущенная улыбка.

– Привет, – произнесла она и вскочила на ноги. – Ты ведь Фрэнсис, верно? Я Рут.

Фрэнки лишь кивнула. Осторожно, будто пол мог провалиться, она вошла в комнату.

На соседней кровати, подперев голову рукой, лежала темноволосая девочка с телефоном. При виде Фрэнки она оторвалась от экрана, окинула ту колючим оценивающим взглядом. На ее тумбочке в беспорядке валялись буклеты университетов: Оксфорд, Лидс, Уорик.

– Камилла, – сказала она с легким неудовольствием в го-

лосе, тут же снова утыкаясь в экран.

Фрэнки поставила чемодан у свободной кровати. Угол обзора неожиданно сузился до пустой тумбочки, собственных рук и ног. Она не находила смелости осмотреть комнату целиком или заговорить с соседками, зато ощущала в области лопаток чужое внимание.

В давящей тишине раздался голос Рут:

– Тебе помочь распаковаться?

– Нет, – отрезала Фрэнки.

До ужина они так и не заговорили. Некоторое время Камилла что-то выписывала из брошюр в блокнот, потом ушла в душ. Рут все так же читала за столом. Фрэнки же сидела на кровати, делая вид, что происходящее ее не касается, хотя чуть ли не каждая мышца в теле была напряжена. Когда пришло время спускаться на ужин, Фрэнки вышла последней в надежде избежать пристального интереса.

Столовая отличалась от увиденных помещений школы. Она была заполнена звуками: звоном приборов, скрипом стульев, обрывками голосов, что тонкими слоями ложились друг на друга и образовывали плотный шум.

Фрэнки остановилась на пороге. Рут подняла руку, приглашая ее сесть рядом, но она сделала вид, что не заметила. Взяла поднос, прошла вдоль стола и выбрала место в самом конце. Чем дальше от остальных, тем лучше.

Неподалеку, у окна, устроилась компания девушек. Их появление всколыхнуло воздух нежным ароматом парфюма,

который исходил от кашемировых джемперов. Несмотря на скупое освещение столовой, неброские серьги в их ушах ловили и отражали каждый луч. С одного взгляда становилось понятно, что это не просто блеск – скорее, отблеск мира, на пороге которого вдруг оказалась Фрэнки. Она ненароком прислушалась к их снисходительному, уверенному тону в голосах, доступному тем, чья дорога уже вымощена и освещена.

– Так я ему и сказала: «Найджел, в этом ресторане никогда не подавали вино по бокалам». Но он был так старателен. Жаль, что обманщик. Я порвала с ним.

Другая девушка покачала головой и обратилась к их подруге:

– Я удивлена, что Бриони сразу не раскусила его. Ведь ложь стала понятна, когда он завел песню про прадеда, который якобы вложился в железные дороги. Будь оно так, ему не пришлось бы снимать яхту на выходные, чтобы впечатлить нас, разве не так? И ведь бедняга искренне думал, что мы этого не замечаем!

– Не расстраивайся. – Третья девушка ласково погладила Бриони по руке. – Наоборот, стоит порадоваться, что такие люди всегда прокалываются на мелочах. Хотя, признаю, Найджел был действительно хорош собой.

Хмыкнув, Фрэнки уставилась на картину напротив. Пережевывая лист салата, она рассматривала мужчину эпохи позднего Средневековья. Краски потемнели, и на фоне

мрачных одежд выделялся только белый гофрированный воротник, отчего казалось, что голова его отделена от тела и лежит на тарелке.

Внутри поднялось неприятное чувство. Будто нечто холодное поселилось в груди, а теперь принялось разрастаться. Она отложила вилку и глубоко вдохнула, пытаясь привести мысли в порядок.

Шум столовой больше не помогал. Он сливался в вязкий гвалт, который двигался над головами, отражался от стен и возвращался обратно. От этого в груди становилось еще меньше места. Фрэнки не понимала, почему оказалась здесь и как вообще должна жить среди этих людей.

Она представила, что происходит сейчас дома. Может быть, мама уже сняла куртку, поставила на кухонный стол сумку, а Мартин откупоривает бутылку вина. От этих мыслей что-то болезненно перевернулось внутри.

Может, мама все-таки одумается и заберет ее отсюда?

Но мысль исчезла так же быстро, как и появилась.

Когда Фрэнки подняла глаза, стол почти опустел. Девочки, переговариваясь и смеясь, расходились, а она все еще сидела с полной тарелкой.

Темнота опустилась незаметно. Когда соседки вернулись в комнату, Вудхаус уже готовился к ночи. В коридорах приглушили свет, за окнами сгустился мрак. И хотя постельное белье источало аромат свежести, оно было жестким и непривычным, а воздух – слишком прохладным, и у Фрэнки созда-

лось впечатление, что даже стены подобрались ближе, чем несколькими часами ранее.

Одна за другой соседки погасили лампы. Комната погрузилась в темноту, которую разрезала лишь полоса света под дверью. Фрэнки отвернулась к стене. Она слушала, как в комнате гаснут последние человеческие шорохи и появляются другие, издаваемые старым зданием.

Когда дыхание девочек выровнялось, Фрэнки осторожно поднялась. Накинула поверх пижамы халат, по инерции потянулась в сторону тумбочки, но, вспомнив, что телефон забрали, тихо вышла.

Туалет оказался пустым. Фрэнки закрыла за собой дверь кабинки, опустилась на крышку унитаза и уткнулась лбом в ладони. Только здесь позволила себе выдохнуть. Несколько минут она дышала медленно, пока воздух снова не стал входить в грудь без боли, а пульс не перестал колотиться в висках.

Постепенно внешние звуки вернулись: легкое потрескивание ламп, эхо шагов в коридоре.

Тут дверь туалета тихо скрипнула.

Фрэнки вздрогнула, хотя звук был едва слышным. В помещении кто-то вошел. Шаги оказались мягкими, осторожными, будто человек не хотел привлекать внимания. Они приблизились к ее кабинке.

Фрэнки подняла лицо и замерла.

Потом раздался стук.

– Занято, – бросила она.

Ответа не последовало.

Второй стук прозвучал сильнее. Сердце снова сорвалось на бег. В туалете повисла непривычно плотная тишина.

– Кто это? – спросила она тише.

Но за дверцей не было слышно ни дыхания, ни шагов. Только лампы под потолком продолжали гудеть.

Потом со стороны выхода едва заметно скрипнули петли. Этого хватило, чтобы понять: тот, кто стоял здесь, ушел.

Фрэнки осторожно поднялась. Пальцы дрожали, когда коснулись защелки, но она все же повернула ее и открыла дверь.

Туалет был пуст. Никаких девочек, притаившихся в кабинках. Только гул ламп и ее озадаченное лицо в зеркале. Может, это была чья-то глупая шутка. Или нервы. Она почти убедила себя в этом, пока не вышла в коридор.

Свет здесь еле освещал дорогу. Воздух стал холоднее, будто где-то открыли окно. Фрэнки обхватила себя руками и уже собиралась идти в комнату, когда заметила что-то впереди.

У дальнего поворота стояла фигура. Силуэт человека едва выступал из тени, как будто часть света, падающего от ближайшей лампы, не доходила до него.

Фрэнки остановилась.

В груди что-то глухо провалилось.

Фрэнки моргнула, и фигура незаметно, почти плавно,

скользнула за угол.

Глава 2

Полночи сон никак не шел к Фрэнки. После вечерней вылазки ступни еще долго не могли согреться, а окружающие звуки не располагали ко сну. Стоило времени на часах перескочить за полночь, как возникло навязчивое ощущение, будто из мрака углов за ней наблюдают. Хотя присутствие в комнате соседок успокаивало нервы, те все же оставались незнакомками. С таким же успехом она могла купить билет на «Каледонский ночной поезд» и постараться расслабиться в узком пространстве купе, зная, что над ней лежит посторонний человек. Уснуть удалось ближе к утру, когда по окнам забарабанил дождь. Поэтому сигнал будильника остался незамеченным.

– Фрэнсис, вставай. – Кто-то мягко потрепал ее за плечо. – Торнтон вот-вот появится.

– Оставь, Рут. Пусть разбирается сама.

Хлопнула дверь. Голоса соседок мягко вытеснили грезы, и, сощурившись, Фрэнки бросила взгляд на часы. Само собой, она не могла не опоздать в первый же день. Наспех умывшись, она переоделась в голубую форму, включающую юбку, рубашку с галстуком и колючий пуловер, и выскользнула в коридор, где сновали девочки. В общем потоке ночная тревога отступила.

Скорее всего, все это – не более чем фантазии.

На первом уроке истории мистер Эванс, пожилой мужчина с седыми усами и пышной шапкой волос, достал мел.

– Сегодня, леди, мы окунемся во времена Шекспира, а именно – начнем тему правления Елизаветы I. Открыли тетради.

Фрэнки опустилась за заднюю парту. Одноклассницы следили за каждым ее шагом, даже не стесняясь быть пойманными. Бегло скользнули по фигуре, но пытались поймать именно взгляд, чтобы понять, чего новенькая сто́ит, какое место займет в школе. Это внимание и то, что за ним могло последовать, было Фрэнки хорошо известно. В голове тут же всплыл подвал в доме Оливии.

Подруга подошла к стене, где на гвоздях висели топор, монтировка и самодельная бита, обклеенная изолентой. Подушечками пальцев девушка пробежалась по вещам.

– Не говори, что потащишь что-то из этого! – удивилась Фрэнки.

Оливия улыбнулась. Взвесила в руках монтировку, замахнулась, отчего огромные серьги-кольца подскочили в ушах, и повесила обратно. Потом взяла битку и уставилась на нее с видом, будто та рассказывала что-то серьезное.

«Знаешь, Оливия, а ведь каждый третий человек на Земле не может хрустеть пальцами. Но мы им поможем».

– Да, это пойдет, – выдув из жвачки пузырь, резюмировала Оливия. – Не завидую Бэт Симмс.

Фрэнки не бралась утверждать, как решали вопросы в Вудхаусе, но в школах Крауч-Энда дело нередко заканчивалось дракой. Отчасти поэтому она и оказалась здесь.

Фрэнки с вызовом посмотрела на такую же, как и она, рыжеволосую девочку – та, хмыкнув, отвернулась. Дождь за окном прибил туман к земле так, что тонкие полосы, которые ночью тянулись по стеклу бледными пальцами, отступили в рощу. Мистер Эванс выводил мелом даты на доске. Шум дождя вкупе с монотонной речью учителя создавали спокойный тон. По мере того как заполнялась тетрадь, чувства, взбудораженные накануне, осели меланхолией.

Уже было расслабившись, Фрэнки вдруг ощутила легкое движение рядом – точно кто-то прошел мимо и задел ее плечо краем одежды.

Она повернулась.

Соседняя парта пустовала. Стул, как положено, стоял аккуратно придвинутым к столешнице. На миг показалось, что в свете ламп воздух над ним задрожал, как от тепла летним днем, – только наоборот.

Фрэнки окинула класс. Девочки либо записывали за мистером Эвансом, либо тихо переговаривались, делая вид, что заняты поиском ручки в сумке. Никто не подходил, никто не проходил мимо нее.

Она потеряла правую руку, которая странным образом озябла, и попыталась переключиться на доску, но буквы рас-

плывались.

– Мисс Гейт? – раздался над ухом голос мистера Эванса.

Фрэнки вздрогнула. Учитель оказался рядом с мягким, чуть уставшим выражением лица.

– Вы с нами?

– Да, сэр.

– Постарайтесь не отвлекаться. Материал сегодня непростой. – С соседних мест раздалась смешка, и мистер Эванс добавил: – Касается всех, между прочим. По завершении темы вас ожидает мини-эссе, леди.

Когда он вернулся к доске, Фрэнки еще раз коротко посмотрела на соседнюю парту, а обернувшись, наткнулась на обеспокоенность в глазах Рут. Взгляд девушки метнулся к незанятому месту, а потом она скрылась за учебником.

* * *

Из-за дождя последнее занятие перенесли в спортзал. Тренер, мисс Макка, высокая женщина с широкими плечами и красным лицом, напоминала выпускницу военного училища.

– Быстро строимся по парам! – прокричала она, перекрывая разом все звуки. – Хорошо провели лето? Теперь придется попотеть!

Девочки свободно болтали между собой, и Фрэнки с болезненной ясностью ощущала себя лишней. Вырвать ее из

мира, где все работало, где каждый знал ее и она знала каждого, было жестоко. Особенно когда до окончания школы оставалось два года. Крапива, как известно, способна затеряться среди колокольчиков, но от этого колокольчиком ей не стать. Из каких семейств происходили воспитанницы Вудхауса, догадаться не составляло труда, судя по их манерности и вещам, а это говорило о многом. Ни одна из них не ютилась в таунхаусе без заднего двора, с крошечной кухней и изодранным когтями диваном.

Дома, с Лив и Майрой, быть дерзкой и уверенной в себе казалось легко. Но здесь все иначе. Ее прошлое, привычки – все это не работало. И взрослые правила, наподобие «меньше пить» и «не заводить бесед о политике», тоже. Сначала следовало понять, кто они и кто среди них она.

Сейчас же Фрэнки была никем.

Конечной целью все еще оставалось возвращение домой, но до тех пор пока мама с ней не свяжется, это не имело значения.

– Эй, Рут, встанем вместе? – раздался голос рыжей девочки.

Фрэнки оторвала глаза от блестящего под яркими лампами пола и посмотрела туда, где, запустив руки в карманы шорт, стояла Рут Сибли. К ее удивлению, на лице девушки проступило пренебрежение.

– Спасибо, Аманда, но я предпочитаю держаться подальше от предателей.

– Ну конечно! – уголки губ Аманды дрогнули. – Как я могла подумать, что за лето что-то изменилось. Мейбл, составишь компанию?

Тряхнув хвостом, она отошла, а Фрэнки не успела заметить, как Рут возникла рядом.

– Аманда Лоски. – Она кивнула подбородком в сторону той. – Будь с ней аккуратнее.

– Я не планирую ни с кем сближаться. У меня уже есть друзья дома.

– Но сейчас ты здесь.

– Надеюсь, это ненадолго.

Рут ничего не ответила. После свистка мисс Макка разговоры в спортзале утихли. Фрэнки попыталась сосредоточиться на разминке, хотя движения давались с трудом. После бессонной ночи тело казалось чужим, а мысли то и дело метались между мамой, домом и Вудхаусом.

Она старалась не смотреть по сторонам. Нет ничего проще, чем делать то, что умеешь, не заостряя внимания на деталях. Какая разница: разминка, бег по кругу, отжимания, подвижные игры, если за ней в любом случае будут следить? Единственное, что напоминало о прошлой школе, – запах резины, напольного лака и въевшееся в стены мускусное дыхание. Время от времени Фрэнки улавливала легкое покалывание в области спины, будто кто-то наблюдал за ней чуть более внимательно, чем остальные.

Когда урок подошел к концу, девочки ринулись в разде-

валку. Большая часть в спешке переодевалась, чтобы успеть на занятия в секциях. Фрэнки торопиться было некуда. Ее верховую езду перенесли на другой день. Поэтому, повесив вещи на крючок, она взяла полотенце и отправилась в душ.

Вскоре дверь, ведущая в коридор, перестала хлопать, и остался только шум воды. Фрэнки расслабленно прикрыла глаза.

«Послушай, Фрэнки, ничего не бойся. Я слышала, что девчонок в этих школах муштруют похлеще собак на выставках. Пусть себе смотрят, пока глаза не выпадут. Они слишком заняты собой и оценками, чтобы их заботила ты» – так ей сказала Лив перед отъездом.

Переодевалась Фрэнки молча, не торопясь возвращаться в комнату. После теплого душа тело налилось усталостью, а от бьющих в маленькое окошко капель клонило в сон. Может, она даже сможет урвать пару часов и поспать перед ужином. Тогда первый день вышел бы на удивление неплохим.

Она застегнула молнию на рюкзаке, поправила воротничок и направилась к выходу.

Свет погас внезапно. Целиком и сразу.

Фрэнки вздрогнула. Темнота сомкнулась вокруг плотной массой, и на секунду ей показалось, что стены придвинулись ближе.

– Очень мило.

Ни ответа, ни смешков не последовало. Лишь под потолком слышалось потрескивание проводки.

Потом со стороны двери раздался щелчок.

Фрэнки выпрямилась. Скамейки то и дело грозили сбить с ног, но ей удалось нащупать стену. Она пошарила по ней в поисках выключателя. Пальцы скользнули по холодной плитке, задевая крючки на вешалке. Ничего. На секунду ей даже показалось, что поверхность под ладонью движется, будто по плитке что-то ползало. Она отдернула руку, моргнула и усилием воли заставила себя продолжить поиск.

Выключатель нашелся дальше. Свет вспыхнул резким ударом.

– Могли бы придумать что-то поинтереснее.

Фрэнки отступила к двери и взялась за ручку. Металл оказался ледяным, точно с обратной стороны находился не коридор, а морозильная камера. Она толкнула дверь. Замок поддался не сразу, но спустя несколько ударов все-таки уступил.

Когда она вышла в коридор, лампы там тоже дрогнули. Обретенное в душе тепло улетучилось вместе со спокойствием. В груди поднялась волна негодования на старое здание с его сквозняками и ветхой проводкой. Руководству стоило бы озаботиться ремонтом, вместо того чтобы учить здесь детей.

Фрэнки потерла прохладные ладони и опустила взгляд. На той руке, которой она водила по стенам, между пальцами запутался длинный черный волос.

Глава 3

Сентябрь 2017 года

Когда из-за ветвей дубов выглянул Вудхаус-Гроув, Фрэнки вздохнула и надвинула капюшон толстовки на голову. Шины мягко шуршали по гравию, пока машина не остановилась у кованых ворот. Смотреть на мать не хотелось, поэтому Фрэнки предпочла вид тумана, что обволакивал заднюю часть школы.

Приезд мамы не удался. Они не вытерпели общества друг друга и двадцати минут. Чего она ожидала, оставив ее в этой дыре и умчавшись в Лондон? Прошла неделя, как ее бросили здесь одну.

– Так и будешь молчать? – заглушив мотор, спросила Стейси.

– А чего ты хочешь? – огрызнулась Фрэнки. – Забирать ты меня не собираешься.

– Поговорить.

– Ну, если бы тебе хотелось говорить, ты не засунула бы меня сюда, лишь бы избавиться.

Мама потеряла переносицу. Фрэнки уставилась на ее пальцы, которые принялись барабанить по рулю. Даже в сером

дневном свете обручальное кольцо сверкало яркими огнями.

– Ты же знаешь, это не так. Я пытаюсь...

Фрэнки резко повернулась к ней.

– Ты вычеркнула меня из своей жизни, мам! Не говори, что все это ради меня! Единственное, что ты попыталась, – так это найти мужа побогаче.

– Мы же уже обсуждали, – с усталостью сказала мама. – Я пытаюсь дать тебе лучшее будущее, Фрэнсис. Хорошее будущее, которое сможет открыть такая школа, как Вудхаус. Не будь с нами Мартина, думаешь, могла бы я хоть как-то помочь тебе устроиться? Нет, Фрэнни. Мы до сих пор жили бы в Крауч-Энде. К тому же, если ты не забыла, тебе хотелось пожить без нас.

Фрэнки облизнула пересохшие губы.

– Все это отмазки! Важно лишь твое предательство. Потому что именно ты предала и отца, и меня.

На лице матери появились красные пятна, которые выдавали гнев, как и плотно сжатые губы.

– Помолчи! Ты решила, что только одной тебе тяжело. Что лишь твои переживания имеют значение. Да все это время я на цыпочках ходила, зная, как трудно ты переносишь утрату папы. Мартин делает все, чтобы угодить! Хотя бы один чертов раз ты поставила себя на место другого?

– Да пошла ты! – Фрэнки выскочила из машины и прокричала: – Я просто хотела быть с тобой! Вот и все! Ненавижу тебя и твоего Мартина!

Неожиданно мать отвернулась, будто даже смотреть на Фрэнки неприятно, и закрыла глаза. Лицо сделалось отрешенным, почти что незнакомым, когда она взглянула на нее снова.

– Я приеду через неделю.

– Можешь не приезжать. – Она хлопнула дверью, склонилась к стеклу, до боли в пальцах сжимая лямку рюкзака. – Бросила и забыла, разве не так?

Когда Фрэнки отходила от машины, сердце болезненно сжалось от вида слез в глазах матери. Но это она приняла решение сослать дочь в Ланкашир, поэтому Фрэнки не верила им. Мама задумчиво уперла руки в руль, посмотрела на школу, явно колеблясь, но все-таки завела мотор. Приняла решение оставить ее здесь. Ну и пусть!

Фрэнки угрюмо наблюдала, как машина сдала назад и, развернувшись на узкой дороге, начала отдаляться, пока не скрылась за низкими ветвями. От мамы остался едва уловимый запах туалетной воды на одежде. Для папы она редко красилась, не то что пользовалась парфюмом. Но жизнь и правда сменила курс после его смерти. Фрэнки скучала по временам, когда они были втроем, а болезнь не нависла над их семьей. Она ходила в приличную школу – идею отца о лучшем образовании, – не подозревая, что идиллия не продлится долго.

Под одежду пробрался холод, и Фрэнки поежилась. Возвращаться во мрак школы не хотелось. Погода была сквер-

ной, а в стенах Вудхауса впору повеситься. Он с первого взгляда не понравился ей. Стоило перешагнуть порог, как по телу бежали мурашки. Может, место и считалось престижным, но за ту неделю, что Фрэнки провела здесь, ничего, кроме плесени на стенах, сквозняков, проблем с электричеством и плохой еды, она не видела.

Закинув рюкзак на плечо и засунув руки в карманы куртки, Фрэнки пошла по протоптанной дорожке вдоль ограждения. Из рассказов соседок по комнате получалось, что та вела в Байбери – деревню, куда на выходных отправлялись побродить воспитанницы Вудхауса и мальчики из школы Баксвуд. Уму непостижимо, скольких детей оторвали от дома.

В этом году лето выдалось особенно дождливым, земля раскисла и чавкала под подошвами. Тропинка стелилась среди поля с пожухлой травой, редкими кустами вереска и брала подъем на холм, где разрасталась в дорогу, мощенную булыжником. Там, наверху, по обе стороны тянулись коттеджи с потемневшими соломенными кровлями или черепицей, покрытой лишайником. Независимо от возраста домов, под окнами каждого были разбиты палисадники. Неподалеку блеяли овцы. Несмотря на типичный деревенский колорит, место все равно выглядело тусклым, за исключением, пожалуй, красных почтовых ящиков и цветов.

Дорога вывела на площадь, где находились несколько лавок, кафе, отделение почты и аптека. На информационном стенде висели объявления о пропаже домашних животных и

афиши, приглашающие посетить церковную службу по случаю скорого праздника урожая. К стенду подошла пожилая женщина, чтобы прикрепить листовку о потере черной кошечки Дейзи. Лицо старушки показалось Фрэнки знакомым, но припомнить, кто это, не получилось.

Вместо этого она отошла, и носа коснулись аппетитные запахи свежей выпечки из кафе «Домашняя кухня миссис Хиггинз», от которых тут же заурчало в животе. Если мама и планировала ее накормить, то ссора, что разгорелась практически сразу, обрубилась все на корню. Фрэнки вытащила из кармана несколько мятых банкнот вместе с мелочью – должно хватить на сэндвич с кофе. Брать деньги у мамы она наотрез отказалась, полагая, что их дал Мартин, а он из кожи вон лез в попытках понравиться.

В кафе было шумно, но по-деревенски уютно: бордово-белые обои в полоску, занавески в цветочек и фотографии в зеленых рамочках. Но самой интересной частью стала старинная кухонная плита из чугуна, встроенная в одну из стен, ближе к витринам. По огню, который мерцал за пузатой решеткой, Фрэнки поняла, что вещь не декорация, да и вряд ли тогда из носика медного чайника вился бы пар.

Большую часть столов занимали ученики, явно получающие удовольствие от общения друг с другом. В двадцать первом веке идея разделения казалась Фрэнки пережитком прошлого. Даже ученые сходились во мнении, что совместное обучение полезнее и результативнее как в академическом,

так и в социальном плане. Наверняка выпускники потом трагичили кругленькие суммы у психологов, пытаясь разобраться с проблемами, мешающими адаптироваться после строгой указки элитных британских школ.

Когда она стояла у витрины с сэндвичами, то чувствовала, как спину прожигали десятки пар глаз. Оставалось только молиться, чтобы нашлось место хотя бы у туалета. Оливия с Майрой убили бы ее за такие рассуждения. Однако это не они сейчас учились с девочками, которые читали «Тин Татлер», а во внеучебное время одевались в твидовые костюмы и шерстяные свитера с рубашками, будто в любую минуту их могли пригласить на охоту. Там они стояли бы на лужайке поместья какого-нибудь лорда с двойной фамилией и обсуждали прошедшие каникулы на Корфу или яхтинг в Хорватии.

– Эй, Фрэнсис! Сюда!

Фрэнки обернулась и увидела Рут. Вечерами ходившая в свитере, как у Фредди Крюгера, сегодня она демонстрировала фигуру в шерстяном платье, а волосы цвета спелой пшеницы волнами струились по плечам. За столом вместе с ней сидел раскрасневшийся светловолосый парень в клетчатой рубашке и брюках для верховой езды. Фрэнки не хотелось становиться третьей лишней, ведь парень явно спешил на эту встречу, если не успел переодеться.

– Все в порядке, спасибо. Думаю, что найду местечко, – настороженно ответила Фрэнки.

– Наша компания не внушает ей доверия, – хмыкнул па-

рень.

– Нет, я... Ладно.

Чем ближе Фрэнки подходила, тем больше переживала. Сблизиться с девочками из Вудхауса она не старалась: до сегодняшнего дня теплилась надежда, что мама все-таки забрет ее. К тому же после случая в раздевалке желание подружиться поубавилось. Дурацкая детская шутка, однако что-то внутри дрогнуло от осознания, что сверстники ее не принимают. Раньше оставались хотя бы друзья, а теперь она, как отколовшаяся льдинка, в одиночестве барахталась среди волн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.